

Сергей Чаввагин

Содержание

[Автор: Сергей Навагин](#)

[Начало](#)

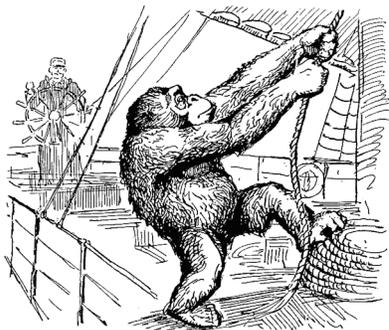
[Спустя много лет](#)

Автор: Сергей Навагин

Рассказ из серии "Байки из радиорубки" о буднях работы на морском флоте, о трусости и смелости, о человеческих страхах, и о том, как их преодолевают, когда этого требуют жизненные обстоятельства.

Начало

*«Ну вот утихла дрожь в руках,
Теперь наверх...» В.С. Высоцкий.*

Высоты я боялся с детства. Как-то раз, еще в школьные годы, мы ездили на экскурсию в старинную крепость в Ивангороде, что на границе с Эстонией. Через башни с крутыми винтовыми лестницами можно было попасть на крепостные стены, которые разбивали внутреннюю территорию крепости на небольшие дворики.

На некоторых стенах часть кирпичной кладки была повреждена, и чтобы пробежать по всей стене от одной башни к другой, приходилось перепрыгивать провалы. На достаточно приличной высоте. Как мне тогда казалось, стены были не менее 15-20 метров высотой.

Один неосторожный шаг, подвернувшийся под ногу осколок кирпича или камень, неминуемо отправлял бы храбреца вниз. Но мальчишки бравировали друг перед другом. И показать, что ты боишься, было чревато падением любого авторитета на дно самой глубокой пропасти.

Почему показная храбрость была тогда для нас важнее опасности упасть вниз, на каменные мостовые старинной крепости? Что двигало нами – до конца понять сейчас трудно. В настоящее время никому не придет в голову постесняться сказать «нет!» и не свернуть. А в то время мальчишки еще играли в «войнушку» и индейцев, слышали рассказы отцов и дедов про войну и смотрели фильмы про отважных героев. Нас готовили быть взрослыми. И мы без сомнений и пафоса считали такие качества, как смелость, одними из приоритетных качеств мужчины. Мы были так воспитаны и не могли позволить себе струсить прежде всего перед самим собой, ну а потом уже и упасть в глазах своих друзей. Только вперед! Струсить нельзя. И лазанье по деревьям, крышам, и спуск из окна по водосточной трубе...

Если бы только знали родители хотя бы половину всех приключений, наши задницы были бы серьезно пороты ремнями. Что, кстати, тоже в то время отнюдь не возбуждалось, и даже считалось важным элементом воспитания.

Под ногами разбитая кладка кирпичей стремительно уходила вниз, и уже пора перепрыгивать. Глаза скользнули вниз. Внизу экскурсовод что-то громко рассказывала сбившейся в стайку группе туристов, и слабое эхо отражалось от каменных стен. Первые двое уже легко перемахнули через провал, и через шаг уже

мне надо было оттолкнуться и сделать прыжок. «А ведь прямо на туристов грохнусь», уверенно пронеслось в моей голове. Нога занемела и... в этот момент я понял, что струсил! Я точно знал, что упаду. Ноги сбились с ритма прыжка, и я остановился. Хотя я был уверен, что после этого мне не подаст руки ни один уважающий себя пацан, но я не стану делать это! Ноги подрагивали, живот сжался в тугий комок.

Сама стена была широкой, и сбоку, в сорока сантиметрах от узкой верхней кромки, по которой мы непременно должны были промчатся, шла тропинка. Да, безопасная тропинка, но она была для трусов. И я сошел на неё. Затравленно обернувшись, я увидел, как за мной сошли еще пара человек, и, натужно шутя, мы добрались до следующей башни с лестницей вниз.

Собравшись внизу всем классом, мы продолжили прогулку. У меня в голове грохотал колоколом позор. Я смотрел на лица друзей и пытался увидеть там презрение, жалость или хоть какую-то эмоцию, вызванную моим «поступком». На мое удивление, никто даже не обмолвился ни словом, продолжался веселый галдёж, смех и беготня. Я понял что-то, но тогда объяснить себе так и не смог. Ясно было одно, что я преодолел в себе страх позора, хоть и не преодолел страх высоты.

Спустя много лет

Прошло полтора десятка лет. Непобежденный страх высоты все так же не позволял мне смело перегибаться через перила балкона на этажах выше пятого, и вообще я не любил высотные панорамы. Но и работа моя не подразумевала подобного рода подвиги. Куда уж спокойнее труд радиста, чем матроса.

Небольшой пароходик водоизмещением не более 2 тысяч тонн принадлежал крохотной судоходной компании, главная задача которой состояла в перевозке двадцать паллет цветного металла из Ленинграда в Роттердам. Переходы были не длинные, что делало рейсы раем для тех, кто привык по полгода болтаться по всему «шарику», пересекая часовые и климатические пояса, как ферзь шахматную доску.

И если что-то омрачало бархатные условия, так это осенне-зимние периоды плавания, когда отнюдь не сильно загруженный маленький пароход болтало в штормовой Балтике, как говорили тогда «голова-ноги». Проданный военными с консервации старенький транспортник «Онега» имел на вооружении один радар «Дон» выпуска 1965 года и соответствующие системы управления, не подразумевающие наличие авторулевого. Поэтому удерживать его на курсе в бушующем Балтийском море было достаточно трудоёмко. Это я точно могу сказать, так как по причине сокращенного экипажа, я совмещал должность начальника радиостанции с полноценной вахтой на руле «четыре-через-восемь».

Наши стоянки в порту были не долгими - выгрузить десяток паллет было делом пары часов, и уходили в тот же день, что и пришли. Чаще всего под вечер.

Подготовка к отходу занимает немного времени.

Палубная команда закрывает крышку трюма, а боцман лезет на мачту, что бы выбрать фал, крепящий луч главной антенны и закрепить его на верхней площадке мачты. По неизвестной мне причине, фал имел небольшую длину, и никому не приходило в голову удлинить его, что бы он спускался вниз по мачте и крепился на утку уже с палубы.

Я удивлялся этому и первым делом запланировал нарастить фал, чтобы не прибегать к помощи боцмана для такой простой операции. Тем более, в суету отшвартовки от причала.

В этот раз, как обычно, перед отходом из Роттердама прогноз погоды не обещал спокойного рейса. Обратный путь предстоял в балласте, и мы спешили выйти в море из порта и узкостей до того, как задует еще сильнее. Что-то пошло не так. Вся палубная команда носилась от кормы до носа, как испуганные суслики, орали в рации, выбирали швартовые концы. Я не знаю, какой аврал произошел с крышкой трюма, но беготня с отходом от причала не прекращалась.

Темнело. Причал остался уже за кормой, а дорогая моему сердцу главная антенна еще лежала на крышках трюмов. Еще немного, и мы выйдем за пределы порта. Туда, где уже завывал ветер, вставала волна, и лезть на мачту, как сами понимаете, не комильфо. Мимо по главной палубе пробежал боцман.

- Нахуй, - вежливо он объяснил мне происходящее.

- Ёптваемать, - понимающе согласился я и пошел брать страховочный пояс и себя в руки. Мне предстояло справиться с этим самому.

Мачта представляла собой вертикальную конструкцию с торчащими из неё скобами-ступеньками.

Первые пять ступенек дались мне легко и непринужденно. На шестой я захотел пристегнуть карабин страховочного пояса к скобе, что и сделал уже на восьмой. К тому времени уже начинался тремор рук. Перестёгивать карабин означало оторвать одну руку от этой «лестницы» и, не доверяя сцеплению ботинок с металлом, держаться оставшейся рукой за холодный и мокрый металл скобы, сжимая кисть до боли.

Девятая ступенька. Десятая...

И тут мы вышли под ветер!

И заштормило.

Что думает висящий на скобах мачты человек, когда мачта то уходит из-под тебя, то наваливается так, что ноги начинают медленно отрываться от опоры. Чертов Дарвин с его эволюцией про обезьян! Ноги тоже должны были остаться с хватательными функциями! И хвост! Такой цепкий, длинный. Как бы он сейчас мне пригодился! Но на самом деле нет. Он не успевает понять, что думает. Этот человек. Он уже и не человек, и не думает.

У него уже трясутся не только руки, но и ноги. Причем колени трясутся не в такт со ступнями.

Живот прилип к позвоночнику, и кажется, что горло и язык уже провалились в него, а на очереди стоит мозг. Легкие, обойдя живот, сжались в районе таза и плевать они хотели на нелепые перегонки воздуха. Воздух сам по себе сквозняком проходит через все внутренности.

Если первый десяток ступеней я еще смог сейчас вспомнить, то все последующие остались в тумане липкого страха, борьбы за жизнь и поступательного движения вверх.

Я уже почти задохнулся от страха и потерял возможность шевелиться, когда моя голова преодолела проем верхней площадки мачты.

Я не мог шевелиться, и просто положил свое дрожащее тело на железо площадки, вцепившись в леера окоченевшими руками. Через пару, а может и через десять минут, я обрёл возможность шевелиться вновь.

Окончательно стемнело, и с мостика врубили прожектор. По-видимому, штурмана решили подсветить мне фронт работ, но кому я вру? Я и сам был бы не прочь посмотреть на этот цирк со стороны.

- Ссука, ссука, шипел я побелевшими губами.

Ослеплённый, заоченевший и трясущийся от страха, я тащил фал антенны через блок, наматывал его конец на утку, кроя матом всех и по пятое колено того долбоёба, который сделал этот конец таким коротким. Тогда я еще не думал о том, что путь вниз отличается от пути вверх тем, что он еще страшнее. Ведь спускаясь тебе приходится не глядя нащупывать ногой нижние ступеньки-скобки. А ветер все усиливался.

На палубу я спустился дохлым пингвином. Заставив себя разжать руку от последней скобы, дернулся в сторону и согнулся пополам, забыв отстегнуть карабин

страховочного пояса, который не дал мне рухнуть мешком на мокрую поверхность палубы.

Долго курил, жмурясь от брызг долетающих волн, и клялся по приходу в Ленинград переделать систему крепления антенны, не веря, что уже все закончилось.

Сменил мокрую одежду и согреваясь на рулевой вахте горячим чаем, еще 4 часа пытался удерживать курс на волну, подрагивая в такт содроганиям парохода, когда его оголенный на гребне волны винт пускал вразнос старенькую машину.

Несколько часов сна до завтрака и я снова на мостике.

- Брат мой всезнающий штурман, скажи, а что за огоньки по корме еще не угасли в надвигающемся рассвете? Да ладно, я сам посмотрю на карту.

Что?! Ты подменил карту, и я вижу на ней знакомые очертания?

- Да, наш бесстрашный радист-рулевой. Это все тот же город-герой Роттердам. Мы продолжаем успешно бороться со штормом и отделились от порта уже на 20 миль. Но ветер стихает и наша скорость растет, к обеду, мы уже его не увидим.

Приход в родной порт - это всегда маленький праздник. Неделя зимних штормов и ты дома.

Да разве мог я мечтать о таких рейсах-коротышах ранее, на африканских линиях?

Тихий причал Ленинградского торгового порта, расходимся, кто не на вахте. Мне надо домой, а пока еще сидим в каюте с боцманом. Налито по третьей. Хрустнул огурчик. Благодать и тепло.

- Ну что, радист, теперь сам научился антенну ставить?

В организме тепло разливается принятые сто пятьдесят грамм.

- Да плёвое это дело, дракон. Хоба и готово! Мы радисты такие, смелые!

- А ты, смотрю, домой собрался идти? А с утра погрузка будет, антенну надо снять. Сам снимешь, «как всегда»?

Ржёт, драконья морда. Подначивает.

- Тьфу ты, чертяка!

Тепло дошло уже до мозга, и стало совсем не страшно.

- Да легко, мигом! Ты пока наливай.

Наверх уже почти влёт, почти без дрожи, уже и страховка только мешает.

Конечно - без качки, ветра, дождя и волн. И свет ровный, и не в глаза. И сто пятьдесят во лбу.

- Смотри, бля, как я могу! С этой фразы, как мы знаем, происходят самые непредсказуемые события в жизни людей.

Тут фал цепляется уже с другого его конца - за какую-то загогулину рядом с крылом мостика.

Пулей лечу по трапам и коридорам на самый верх надстройки, на крыло ходового моста. С пеленгаторного мостика вниз не достать. Придется тянуться сбоку. Одна нога встает на скользкие деревянные поручни ограждения крыла, вторая висит в воздухе, и я тянусь по фасаду надстройки, вдоль лобового остекления ходового мостика ко вконец задолбавшей меня антенне.

- Серега-не-лезь-без-страховки-и-и, орёт сиплым голосом снизу боцман.

- Хуйня, почему-то шепотом отвечаю ему, уже почти дотянулся, сейчас-то уже не страшно.